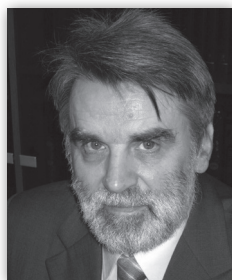

КОРПОРАТИВНЫЕ ЮРИСТЫ: ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ. ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ЦЕНОЮ В ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Смыслов А.Г.
К.э.н., компания
«Корпоративные
юристы Смысловы»

Смыслов П.А.
К.и.н., компания
«Корпоративные
юристы Смысловы»

Мы познакомим читателя с одним из самых ярких примеров российской судебной практики первой половины «просвещенного» XVIII века, и читатель сам сможет убедиться, как много в этом деле аналогий с нашей современной действительностью.

Предыстория

В 1711 г. русская армия, возглавляемая Великим Петром, потерпела поражение от турецких войск. Вместе с царем в Россию вынуждена была прибыть семья поддержавшего его в «Прутском походе» молдавского господаря Дмитрия Кантемира. На момент переселения в Россию у него были малолетние сыновья (в порядке старшинства) — Матвей, Константин, Антиох, Сербан (Сергей) и дочери — Смарагда и Мария. Помимо прочей недвижимости, царь выделил князю и подмосковную вотчину, где при Екатерине II возник великолепный Царицынский дворцово-парковый комплекс, являющийся украшением современной Москвы.

Сыновья в семье Кантемиров были разные. Юный Антиох блистал талантами и его заметил Великий Петр, а старший, Матвей, став гвардейцем, пристрастился к карточной игре, что вызывало гнев отца. Смарагда умерла в юном возрасте, а в красавицу Марию пылко влюбился император. К этому времени умерла жена Дмитрия Кантемира и царь сосватал ему юную княжну Анастасию Трубецкую, которая родила князю дочь.

В 1722 г. во время военного похода русских войск в Персию Дмитрий Кантемир заболел и в предчувствии смерти написал императору завещательное письмо. В письме он так выразил свою волю: «Из детей моих, а именно Матвея, Константина, Сербана и Антиоха хочу, и прошу чтобы (кроме Матвея) кто-нибудь из трех наследником был, как указы повеле-

<http://www.smyslovy.ru>

вают, а от сих трех лучшим разсуждаю сына Константина, а в уме и науках понеже меньшей мой сын от всех лучший, ежели впредь не в хуже переменится, намерен был в наследство его оставить: но и то прошу Вашего Величества, смотря их обхождение, как будут в законном росте, кого-нибудь из тех трех, то есть Константина, Сербана, Антиоха по Вашего Величества разсуждению определить в наследство»¹. Своей жене, княгине Анастасии, и дочери от нее, Екатерине, Кантемир не выделил доли ни в недвижимом, ни в движимом имуществе, но, так и не вступив в права владения, отказался в пользу жены от колоссального по размеру ее приданного. Это впоследствии позволило его детям упрекать свою ровесницу, мачеху, в том, что она получила от их отца больше, чем можно было бы ожидать. Вопрос о доле вдовы решался по действующему закону, каковым в то время был указ царя Петра I от 15 (или 5) апреля 1716 г.². По этому указу вдовы получали одну четвертую часть недвижимого имущества умершего мужа.

Вопрос с наследником, главным претендентом на недвижимое наследство, Петр I решить не успел. На российский трон взошла жена Великого Петра, Екатерина I. Благодаря своим связям при дворе императрицы молодая вдова, кн. Анастасия, смогла быстро обеспечить положительное решение вопроса о наследственных правах на причитающуюся ей часть недвижимого имущества мужа. Сенатский приговор состоялся в мае 1725 г. Однако это не означало начала фактического владения, так как выделение недвижимого имущества, так называемый отказ, не состоялся по причине активного противодействия и интриг со стороны детей Кантемира от первого брака.

В 1724 г. один из братьев Кантемиров, Константин, женился на княжне Анастасии, дочери кн. Дмитрия Михайловича Голицына, кото-

рый при Екатерине I стал «верховником», то есть вошел в состав учрежденного императрицей для управления страной Верховного тайного совета. Роль совета еще больше возросла в царствование императора Петра II. В декабре 1729 г. кн. Константин подал ходатайство в Верховный тайный совет о выделении ему трех четвертей недвижимого имущества, оставшегося после смерти отца.

В историографии бытует ложное мнение, что этим самым князь Константин совершил некую несправедливость по отношению к своим братьям. Однако в решении вопроса о наследовании следовало руководствоваться действующими законами, а именно указом царя Петра I от 13 марта 1714 г. Согласно этому указу: «Кто имеет сыновей и ему же, аще хочет, единому из оных дать недвижимое через духовную, тому в наследие и будет, другие же дети обоего полу да вознаграждены будут движимыми именами»³. Такой вид наследования назывался майоратом. Так как Дмитрий Кантемир написал такую духовную, но четко не определил наследника, то «по вышеписаному же 1714 г. указу велено: ежели кто при себе не определит, то определять указом, по первенству, большого сына в наследие, а движимое другим равною частию»⁴. Вот почему претензии остальных братьев и сестры Кантемиров в этих условиях были просто несостоятельны.

Действовавшие при Петре I законы о наследовании преследовали цель не допустить после смерти наследодателя дробления принадлежавших ему недвижимых имений, каковыми были в то время вотчины. Этот принцип майората, когда вся недвижимость доставалась старшему сыну, вызывал недовольство младших сыновей. Если бы ту далекую историю рассмотреть на основе нынешних российских законов, то картина была бы другой. В соответствии со статьей 1149 ГК РФ Константи-

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 94. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета / Изд. под ред. Дубровина Н.Ф. Т. 7 (январь-июнь 1729). СПб., 1894. С. 601.

² Все даты в статье указаны по старому стилю.

³ РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 418. Л. 1.

⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 94. С. 606.

ну Кантемиру досталась бы только половина оставшегося после смерти отца недвижимого и движимого имущества. Другая половина в равных долях была бы поделена между всеми остальными детьми, а не только сыновьями, и кн. Анастасией. Доля последней по нынешнему закону вряд ли бы составила 1/4 имущества. Хотя у нее и возникали бы большие права на совместно нажитое с умершим супругом имущество, однако, учитывая короткий период супружества, его по факту было мало.

Братья Матвей, Антиох и Сергей Кантемиры прекрасно осознавали, чем должно было закончиться рассмотрение челобитной их брата Константина, поэтому просили о некоей компенсации за то положение, в котором они оказывались. Верховный тайный совет, в заседании которого от 7 марта 1729 г. кн. Дмитрий Михайлович Голицын не присутствовал, принял решение доложить императору, что «по силе вышеписанного 1714 году указу и по завещательному письму в недвижимом имении наследником надлежит быть из трех меньших большему сыну князю Костентину, а отрешенному от наследства князь Матвею и протчим двоим меньшим отдать движимое имение». Император Петр II написал собственноручную резолюцию на докладе: «Быть по сему»⁵.

После этого обиженные братья стали видеть причиной своего неудовлетворительного материального состояния происки «верховника» кн. Дмитрия Михайловича Голицына, действовавшего в пользу своего зятя. Это вызывало у них чувство неприязни ко всем «верховникам» и существующему порядку управления государством, который, по их мнению, ограничивал самодержавие, и они стали активной движущей силой внезапно грянувшего заговора.

Кн. Дмитрий Михайлович Голицын после скоропостижной смерти императора Петра II предложил на императорский трон кандидатуру вдовы, герцогини Курляндской, Анны Иоановны, дочери царя Ивана Алексеевича, род-

ного брата царя Петра I. Князь считал ее женщиной умной, а так как момент был удобный, предложил ограничить ее в правах, обязав подписать «кондиции» в пользу Верховного тайного совета. «Верховникам» такая идея понравилась. 28 января 1730 г. в Митаве, столице Курляндии, Анна внешне покорно подписала предложенные ей «кондиции» об ограничении ее самодержавных прав.

Настроенные против «верховников» гвардейские офицеры и дворяне добились 25 февраля 1730 г. аудиенции с Анной Иоанновной, которая находилась под строгим присмотром «верховников», боявшихся заговора. На аудиенции князь Антиох внезапно зачитал текст сочиненной им от лица офицерства и дворянства челобитной, в которой были выдвинуты требования возврата неограниченного самодержавия. Возникла ситуация, когда «верховники» уже не управляли ситуацией и вынуждены были сами выразить свою покорность требованиям офицерства и дворян. Анна Иоанновна воспользовалась этим и публично разорвала подписанные ею «кондиции».

Все участники заговора в пользу императрицы были ею отмечены. Она предложила кн. Антиоху самому определить себе награду, но он по скромности не воспользовался этим. Тогда императрица проявила свою волю, направив его за границу в качества посла сначала в Англию, а затем во Францию, и в Россию он уже больше не возвращался. Антиох, Матвей, Сергей и их сестра Мария получили в награду большие имения в Нижегородском и Брянском уездах. В некоторых исследованиях жизни Кантемиров особое значение придают одному из первых указов императрицы, отменившей законодательные акты Петра I о порядке наследования (об установлении майората, когда младшие братья не допускались до наследования). Однако этот указ к спорам Кантемиров о недвижимом имуществе никакого отношения уже не имел и никакой роли в урегулировании споров между ними не сыграл, так как обратной силы не имел.

⁵ РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 418. Л. 2.

Императрица могла придать указу обратную силу, то есть распространить его действие на правоотношения, возникшие до его вступления в силу, но несмотря на надежды поддержавших ее при восшествии на престол гвардейцев, многие из которых как раз и были ущемленными майором младшими сыновьями, делать этого не стала. Возникновение неизбежных конфликтов из-за подобного решения ей было ни к чему. Отметим, что и в современном российском законодательстве нормы Гражданского кодекса (п. 1 ст. 4 ГК РФ) обратной силы не имеют, а закон может при-

обрести обратную силу только при прямом указании закона, но при этом нормы ГК РФ преваляют над любым законом.

Дети Дмитрия Кантемира от первого брака считали себя жертвой ненасытных устремлений мачехи, но при этом действовали противозаконно. Несмотря на то, что в 1728 г. кн. Анастасии Ивановне Кантемир была оформлена ее доля в имениях покойного мужа, кн. Константин Кантемир вместе с братьями не допускал ее к фактическому управлению законной собственностью.

Возникновение судебного спора и ход его рассмотрения

Весной 1730 г. крестьяне всех имений Кантемиров готовились к севу яровых и получили распоряжения не только от кн. Константина Кантемира, но и от отца кн. Анастасии, кн. Ивана Юрьевича Трубецкого, и выполнили их. И в этом же году она, «бросившись однажды к ногам императрицы Анны, просила ее дать разрешение на возбуждение процесса»⁶.

В своем челобитье истица, кн. Анастасия Ивановна Кантемир, требовала взыскать с ответчиков, своих пасынков, упущенную выгоду в виде неполученных ею доходов от управления 1/4 частью отошедшей к ней доли недвижимого имущества. Ее требования с точки зрения действовавших в то время законов были совершенно справедливы. Полное отстранение княгини от управления в имениях было неправомерно. Исковое челобитье рассматривалось сначала в Правительствующем сенате, а затем в Юстиц-коллегии⁷.

Обе стороны тяжбы, и мачеха, и пасынок, выступавший от имени остальных братьев в качестве ответчика, использовали все свои возможности для положительного для них исхода дела. Для этого они привлекли на

свою сторону самых лучших поверенных, которые могли отстаивать их интересы. Трубецкие — секретаря Сената Максима Данилова, а кн. Кантемир через посредство своего тестя, кн. Дмитрия Михайловича Голицына, — Лукьяна Ларионова сына Перова. Кн. Дмитрий Михайлович Голицын при Петре I возглавлял Камер-коллегию⁸, которая ведала государственными доходами. В этой коллегии и служил указанный Перов, которого князь Голицын знал лично. Кн. Д.М. Голицын 9 июля 1735 г. в письме в Москву к своему сыну, судье Московского судного приказа, статскому государственному советнику кн. Алексею Голицыну, отрекомендовал Перова как нужную кандидатуру в качестве поверенного по делу своего зятя.

Кн. Алексей Голицын уговорил Лукьяна Перова, которого он также знал, быть поверенным по делу кн. Константина Кантемира. Подобная практика, когда служащий в одном государственном учреждении чиновник участвовал поверенным по каким-то делам в другом учреждении, была в те времена весьма распространена. Кн. Алексей сообщил отцу о полученном согласии Лукьяна Перова в своем

⁶ Кантемир, Антиох Дмитриевич // Русский биографический словарь. С. 470.

⁷ Высший апелляционный суд Российской империи по уголовным и гражданским делам, существовавший в 1718-1786 гг.

⁸ Центральное государственное учреждение в Российской империи для заведования казенными сборами, существовавшее в 1718-1785 гг.

письме, к которому было приложено доношение о производстве Перова в секретари Московского судного приказа.

Князя Голицыны лично просили об отпуске Перова в Санкт-Петербург вице-президента Камер-коллегии и его советников. При этом Голицыны умолчали о цели командирования Перова в столицу. Они добились направления Перова в Санкт-Петербург, а после завершения рассмотрения дела в Юстиц-коллегии ходатайствовали об его производстве в коллежские секретари Московской конторы Камер-коллегии и об удержании в Санкт-Петербурге. За оказанные услуги кн. Кантемир заплатил Перову.

Рассмотрение дела в Юстиц-коллегии затянулось и никак не решалось. Это не устраивало княгиню, и она в 1736 г. обратилась с ходатайством по этому поводу в Кабинет Ея Императорского Величества (Е.И.В.). Новое сенатское решение по делу в пользу мачехи не удовлетворило уже кн. Константина. Кантемир был обвинен в «насильном» завладении чужим имуществом, и должен был уплатить мачехе компенсацию за незаконное пользование ее долей. Позже, когда обычная, казалось бы, гражданская тяжба вдруг превратилась в дело политической важности, тесть и зять, а также некоторые свидетели по делу были подвергнуты допросам. Выполненные скорописью протоколы мы сумели разыскать в архивах и даже их прочитать. Никто до нас эти уникальные документы не читал. Так, прокурор Юстиц-коллегии Ржевский показал, что

он присутствовал в доме кн. Дмитрия Голицына, где Лукьян Перов зачитывал выдержки (экстракты) из рассматриваемого в суде дела. «По прочтении дел экстрактов он, князь Голицын, винил зятя своего тем, что он владел мачехиною четвертою частью (а права на это он не имел), распорядился хлебом и припасами»⁹. Однако при этом князь Голицын заметил, что в сенатском решении имеются ошибки: «Он по тем экстрактам советовал в такой силе, что когда она мачеха сверх деревень получала означенный хлеб и запас и прием того люди ее давали расписки. Итого взятых хлеба и припасов к сроку своего не включила и того вторично ей платить не укажут. А на что расписок не будет, то укажут платить зятю ево, князя Голицына»¹⁰.

Оспаривать очевидный факт было бессмысленно, тем не менее кн. Константин дерзнул обратиться с ходатайством о пересмотре дела к самой императрице. Кантемира пугала сумма, которую он должен был заплатить истнице, и сумма государственной пошлины. Он стремился эти суммы уменьшить. Дело в том, что в случае признания иска мачехи все его имения должны были быть отобраны у него до выплаты долга. Так что мотив для обращения у Кантемира был, но ни он, ни его тесть не ожидали, что последствия обращения будут самые печальные. Причем обращение Константина Кантемира к императрице, как мы увидим ниже, повлекло за собой и неожиданные последствия в виде жестокого удара по имущественному положению его братьев.

«Вышний» суд императрицы

Если до обращения к императрице в различных инстанциях дело рассматривалось годами, то после обращения оно стало рассматриваться с необычной быстротой. 26 ноября 1736 г. в Сенат поступило повеление императрицы об истребовании дела в ее Кабинет. А через три дня в Кабинет поступил указ императрицы об

учреждении «вышнего суда» о рассмотрении спора между мачехой и пасынком.

В столь напористых действиях императрицы те, кому лишний раз выгодно углядеть ее деспотизм, сразу видят желание свести старые счета с ненавидимым ею бывшим «верховни-

⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 247. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л.2.

ком», князем Голицыным, связавшим самодержавную власть при восшествии на престол «кондициями». Однако при беспристрастном взгляде на дело становится видно, что императрица в данном случае, именно на этом этапе, действовала в соответствии с правовой нормой. Эта норма заключалась в том, что, согласно третьему пункту ответов царя Петра I от 1 августа 1711 г. на врученный ему кн. Дмитрием Константиновичем Кантемиром в ставке под Могилевом меморандум, царь обязался брать на свое личное рассмотрение любые споры Дмитрия Кантемира и его детей.

Субъективность и заказной характер «вышнего суда» по делу кн. Анастасии Кантемир с кн. Константином Кантемиром проявились в другом. Суд акцентировал свое внимание не на существовании спора, а выискивал в деле факты, которые можно было бы поставить в вину кн. Дмитрию Михайловичу Голицыну. Таким фактом и послужило привлечение к делу в качестве поверенного со стороны ответчика чиновника Камер-коллегии Лукьяна Перова, вызов его в Санкт-Петербург и назначение секретарем в Санкт-Петербургскую Камер-контору.

Отцу и сыну Голицыным было вменено в вину нарушение указа о недопустимости привлечения государственных служащих для решения частных дел, или говоря современным языком, злоупотребление должностными полномочиями. С другой стороны, для членов суда не было секретом, что и Трубецкие привлекли на свою сторону по этому делу в качестве поверенного секретаря Сената Максима Данилова. Налицо очевидная предвзятость судебной инстанции. Прошли обыски в доме кн. Дмитрия Голицына, который был тяжело болен. Несмотря на болезнь князя, императрица своим указом 13 декабря 1736 г. настояла на его вызове в суд для показаний.

7 января 1737 г. императрица созвала суд над князем Дмитрием Голицыным, а на следующий день этот суд приговорил его к смертной казни, «милостиво» замененной импера-

трицей на заключение в Шлиссельбургской крепости, где князь и умер через три месяца, не выдержав жестокого заключения. Характерно, что в приговоре этого суда не было никаких упоминаний об его участии в споре мачехи и пасынка Кантемиров, и он не был обвинен в злоупотреблении служебным положением. Формулировки с перечислением его вин были кратки и обтекаемы, а главные касались больше мировоззренческих «крамольных» взглядов.

Что же касается существа решения «вышнего суда», вынесенного по делу Кантемиров 16 декабря 1736 г., то оно формально было объективным и справедливым¹¹. Обвинения княгини Анастасии Ивановны Кантемир в адрес своего пасынка были признаны в целом справедливыми, и ее права на 1/4 часть недвижимого имущества покойного мужа, светлейшего кн. Дмитрия Кантемира, были подтверждены. В незаконном владении ее долей с 5 мая 1725 г. по 13 мая 1729 г. были обвинены все братья Кантемиры, и за это они обязаны были уплатить своей мачехе каждый по 21826 рублей 10 коп. Огромная сумма по меркам того времени. Причем кн. Матвей, Сергей и Антиох Кантемиры обязаны были уплатить еще и государственную пошлину в размере по 10 коп. на каждый присужденный рубль уплаты, то есть по 2182 рубля 61 коп., а кн. Константин Кантемир по 30 коп. на рубль, то есть в три раза большую сумму. Дополнительно он был обвинен в незаконном удержании доли мачехи с 13 мая 1729 г. по 1 января 1730 г., и за это должен был уплатить ей еще 13773 рубля 71 коп. и соответствующую госпошлину. Всего он должен был выплатить мачехе по ее иску 35599 руб. 81 коп. и госпошлин 10733 руб. 34 1/4 коп. Суммы, которые пасынки должны были уплатить мачехе по решению «вышнего» суда, в несколько раз превышали те суммы, которые определил им платить в ее пользу Сенат.

Кн. Анастасия Кантемир также была признана виновной в том, что по иску пыталась взыскать большую сумму с ответчиков, и должна была

¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 114. С. 626.

за это заплатить государственную пошлину в размере более 15 тыс. рублей.

Интересно провести аналогии этого громкого по меркам XVIII века дела с современной нам действительностью. Во-первых, бросается в глаза, что старинное гражданское дело без лишней волокиты окончилось уголовным приговором, что совершенно немыслимо сейчас. Во-вторых, мы наблюдаем чрезвычайную, по нашим современным меркам, жестокость вынесенного приговора. По части 2 статьи 285 УК РФ за аналогичный состав преступления, то есть злоупотребление служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности лицом, занимающим государствен-

ную должность, максимальное наказание предусмотрено в виде лишения свободы сроком до трех лет. В-третьих, современная «либеральная» власть напрямую не вмешивается в судебные процессы, и правосудие осуществляет формально независимая судебная система, а о громких делах по указанной статье УК РФ на лиц из высших эшелонов власти практически ничего не слышно, за исключением уже несколько лет тянувшегося дела о злоупотреблениях в системе Министерства обороны РФ. Но главными статьями обвинения бывшей начальницы департамента имущественных отношений министерства Е.Н. Васильевой являются мошенничество и легализация преступных средств.

После приговора

Даже после судебных решений дело не закончилось. 28 декабря 1736 г. последовал именной указ императрицы с требованием ко всем членам Правительствующего сената, подписавшимся под его решением по делу мачехи и пасынка, представить свои объяснения. 1 января 1737 г. на виновных в первоначальном несправедливом решении по этому делу членов Сената, чиновников Сената и Юстиц-коллегии были наложены штрафы и наказания. Несомненно, аналогичные меры позволили бы и нам повысить эффективность современной судебной системы.

Уже 13 января 1737 г. кн. Анастасия Кантемир потребовала у Сената создать комиссию, которая должна была, вероятно, поставить возврат долгов Кантемирами в практическую плоскость. Ей нужны были еще более веские фактические доказательства вины Голицына, поэтому она приказала Сенату проверить, посылал ли кн. Кантемир своих подчиненных унтер-офицеров и солдат-гвардейцев для охраны Перова, когда шел судебный процесс.

Поверенные сторон, Лукьян Перов и Максим Данилов, указом императрицы были понижены в должности, но после того как повинились, были прощены. Мало того, Лукьян Перов стал

секретарем Правительствующего сената, о чем и мечтать не мог. Императрица учла его особую роль в деле.

Также снисходительно она отнеслась к кн. Константину Кантемиру, который, по мнению суда, должен был быть подвергнут за свою дерзость и неоправданное обращение к императрице жестокому наказанию. Однако, учитывая, что его обращение помогло императрице расправиться с кн. Дмитрием Михайловичем Голицыным, он был прощен тем же решением суда.

Однако все недвижимые имения не только кн. Константина Кантемира как проигравшей в суде стороны, но и его братьев, которые решением суда были привлечены к ответственности, подверглись процедуре секвестрования, то есть взяты под присмотр государства до тех пор, пока они не выполнят своих обязательств по решению суда. Последующие после решения суда годы братьями Кантемирами были посвящены решению именно этой проблемы. В особенно тяжелом положении оказался кн. Матвей, который всегда еле-еле сводил концы с концами и постоянно занимал в долг деньги.

Учитывая это, формально, с 16 декабря 1736 г. по 2 июня 1737 г., когда секвестр с отписанных

от кн. Константина Кантемира имений был снят, Черногрязское его имение (будущее Царицыно) находилось в государственной собственности. Оно могло быть продано и вырученные от его продажи деньги могли быть употреблены на выплату долга. Последнего кн. Константин Кантемир и опасался больше всего. Поэтому всю первую половину 1737 г. он хлопотал о снятии с его имений секвестра. Такой указ за личной подписью императрицы поступил 2 июня 1737 г. 9 июля 1737 г., также именованным указом императрица установила предельный срок уплаты долгов по иску в полтора года.

В следующем 1738 г. еще молодая вдова кн. Анастасия Ивановна Кантемир решила выйти замуж вторично за своего давнего поклонника ландграфа Людвига Вильгельма Гессен-Гомбургского, находившегося на военной русской службе. «Возможность этого брака льстила тщеславию вдовы господаря, но знатный жених был кругом в долгах и требовал, чтобы невеста уплатила их еще до свадьбы; ей, стало быть, нужны были большие деньги»¹². Перед свадьбой кн. Константин Кантемир заплатил ей свой долг в 35599 руб. 81 коп., образовавшийся по решению суда. Полученные от пасынка деньги пошли на покрытие многочисленных долгов ее нового мужа.

В 1739 г. кн. Константин Кантемир продолжил хлопоты перед императрицей и за себя, и за своих братьев, которые зачастую несправедливо обвиняли его в эгоизме. 15 мая 1739 г. императрица Анна Иоанновна пожаловала кн. Антиоха Кантемира в камергеры. Возвышение князя Антиоха и хлопоты кн. Константина привели к тому, что 30 июля 1739 г. императрица, наконец, своей Высочайшей резолюцией на прошении кн. Константина освободила его братьев, Антиоха, Матвея и Сергея, от начисленных на них выплат: и в пользу мачехи, и пошлин в пользу государства¹³. Вряд ли такое решение могло бы состояться, не будь на то доброй воли ландграфини Гессен-Гомбургской. К тому же Анти-

ох Кантемир прислал ланд-графине набор модной лондонской галантереи с просьбой пощадить его и своих братьев, поэтому «тщеславная княгиня, в надежде блеснуть новомодным нарядом при дворе <...> смягчилась; с ее согласия производство описи над имуществом Кантемиров-кадетов было приостановлено, а затем и совсем прекращено»¹⁴.

Таким образом, братьям должны были быть возвращены из казны конфискованные в счет их долга перед мачехой имения, но последовавшие вскоре смерть императрицы Анны Иоанновны, недолгие регентство Бирона и правление Анны Леопольдовны, матери младенца-императора Иоанна VI, и, наконец, дворцовый переворот императрицы Елизаветы Петровны отодвинули фактическую реализацию возврата на несколько лет.

Между тем самому кн. Константину Кантемиру не удалось решить вопрос об освобождении его от уплаты государственных пошлин. 25 сентября 1739 г. императрица наложила Высочайшую резолюцию на доклад сената о взыскании с него пошлин по иску мачехи. Этой же резолюцией было подтверждено решение суда о взыскании пошлин и с истицы, то есть с ланд-графини Гессен-Гомбургской.

Через пару месяцев, в ноябре 1739 г., материальное и финансовое положение кн. Константина Кантемира резко улучшилось, так как по высочайше утвержденному представлению Сената к его жене, Анастасии Дмитриевне, по наследству после умершего брата, бывшего казанского губернатора и тайного советника кн. Сергея Дмитриевича Голицына, перешло все его движимое и недвижимое имение.

Имущественные споры братьев Кантемиров с мачехой, несмотря на состоявшееся судебное решение, в дальнейшем продолжились, а между самими братьями разгорелись с еще большей силой, но это уже другая история.

¹² Майков Л. Княжна Мария Кантемирова // Русская старина. 1897. Т. 90. № 6. С. 430.

¹³ Архив Правительствующего сената. Т. 2. С. 598.

¹⁴ Майков Л. Указ. соч. С. 433.